

ПУШКИН

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.

Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Та же шевелюра
Буйного цветка,
Вашего прищура
Свежая строка.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

АВЕ МАРИНА

Где он, Серебряный чародей?
Только мелькнула пята его.
Я обронила даму червей,
Он обронил Цветаеву...

Будто на старом половике,
Выцвели, стёрлись цвета его.
А на верёвочном пояске
Красная нить – Цветаева...

Где он, Серебряный, роковой?
Намертво сжаты уста его.
Кто вы такие, – шумит прибой, –
Чтобы судить Цветаеву?

Где он, Серебряный этот век?
Канули в Лету лета его?
Аве, – луна замедляет бег,
Чтобы по строчкам любимых рек
Перечитать Цветаеву.

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения – гнездове.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя настя с дядей гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропую
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: город Горький
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.